

18+

ЛАРИСА МАШКОВА

ЛЮБОВЬ ЕСТЬ. ЯСНО?

Лариса Машкова Любовь есть. Ясно?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50284040

ISBN 9785449813398

Аннотация

В 9-й «А» приходит новенькая ученица, которая мгновенно покоряет воображение одноклассника, именуемого Профессором. Книга рассказывает о том, как развивались их отношения и влияли на жизнь. Может ли первая любовь стать единственной? Да и существует ли она? К выводу герой книги приходит на склоне лет.

Содержание

Глава I	5
1	5
2	11
3	15
4	22
5	29
6	34
Глава II	39
1	39
2	52
3	61
4	73
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Любовь есть. Ясно?

Лариса Машкова

© Лариса Машкова, 2025

ISBN 978-5-4498-1339-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I

1

Поезд медленно покати́л вдоль перрона, набирая скорость. В купе пожаловал вековой марш «Прощание славянки», брызжущий из динамика оптимизмом во славу очередного поколения соотечественников, а следом – мягкий женский голос диктора с пожеланиями приятного путешествия и прекрасного настроения.

Я поудобнее располагаюсь у окошка на своей нижней полке, готовый расслабиться в предвкушении командировки в южные края. Слышу – бренчит мой телефон, а затем и голос жены:

– Ну, тронулся?

– Тронулся! – подтверждаю с радостью.

– Под кондиционером не сиди, а то простынешь, – наставляет благоверная. – На станциях через пути не переходи, чтоб не отстал, – продолжает она ЦУ. – А как приедешь, сразу позвони.

– Так точно, товарищ генерал, – рапортую я, вдохновлённый победоносным маршем.

– Тебе вот привет от дочери. Хочешь с ней поговорить?

– Да ладно, скажи, что я её целую.

– А меня?

– Тебя тоже.

После института я устроился в НИИ. Работа – дом, работа – дом. Скучно это. Нашёл себе дело по душе. Много лет мотался по командировкам на строящиеся объекты: консультировал, исправлял, наставлял. Жизнь приобрела и смысл, и краски. А что в сидении дома да в кабинетах? Тоска! Сейчас мой ранг и возраст ограничивают передвижения по стране, нечастые поездки сводятся к переговорам на солидном уровне. В основном, приходится летать. На поезде давно не ездил.

Я отправляюсь в Сочи. Такая работа всегда приятна, особенно, если твоего участия ждёт ещё и грандиозная пред-олимпийская стройка. Предстоящее ничегонеделание в пути – и вот тебе ощущение почти отпуска. Свобода!

Напротив меня, на соседней полке, сидит симпатичная девушка лет двадцати. Поджав под себя одну ногу, она щебечет по телефону, который, будто бы прилип к её уху с тех самых пор, как она вошла в купе.

До меня доносятся обрывки фраз: «... и тут я такая... От неожиданности чуть не упала...» – говорит она в трубку и так заразительно хохочет, что я невольно улыбаюсь. Опасаясь смутить девушку, отвожу взгляд. А там, за окном набравшего ход поезда, уже мелькают пейзажи гаснущего лета – ветки деревьев, изогнутые под тяжестью плодов, грибки с корзинками и предвестницы осени рыжие рябины.

Стоп. Всё это было: в точности тот же пейзаж, такой же смех девчонки, её сияющие глаза, стук колёс. Только ещё не наступила эра смартфонов, соцсетей, доступных отелей, приличного сервиса, а девчонка рядом со мной – самая любимая, лучшая в мире, разьединственная!

– За наш вояж! – она поднимает стакан, в котором жизнерадостно искрится шампанское под стать её глазам, излучающим мириады солнечных зайчиков, скачущих по стенам уютного двухместного купе, букету пахучих роз в трёхлитровой банке на фоне мелькающих за окном полей-лесов-берёз-оранжевых рябин.

– Светка, за нас! – подхватываю я и целую её в щеки, шею, губы. Теперь я могу целовать её, сколько угодно, всю жизнь! Губы у неё горьковато-сладкие от шампанского. Такие же, как вчера, только впиваюсь я в них не под многоголосье «горько!» и не под прицелами десятков глаз, как вчера, а под стук вагонных колёс «и раз, и два, и три...»

Лежать на узкой полке вдвоём, обнявшись, совсем не тесно, а очень даже здорово.

– Знаешь, вот это, наверное, и есть счастье в чистом виде, – я говорю почти шёпотом и не могу справиться с дрожью в голосе. В голове опять всплывают слова, которые почти сутки будоражат душу: «И в горести, и в радости...» Всегда. Вместе. Волна нежности, до звона в висках, перехватывает дыхание, и я шепчу:

– Никого, никогда не смог бы любить так, как тебя люблю.

– А я тебя за это награжу, – улыбается Светлана. – Через семь месяцев, – напоминает она. – Сыном или дочкой! Рад?

– Ты ещё спрашиваешь! – говорю я и целую её. – Вот, если бы пять лет назад, когда ты пришла в наш 9 «А», знал бы я про тебя, себя, про это утро... Свихнулся бы от радости!

– И не пришлось бы вам, товарищ Профессор, так усердно выслуживаться – писать за меня контрольные, таскать портфель и терпеть злобных пересмешников! Да? – хохочет она и натягивает простыню на мою физиономию, пытаюсь устроить мне «тёмную». Я сопротивляюсь, стараюсь в ответ тоже укутать свою жену, мы барахтаемся на узкой полке, в конце концов сползаем на пол и потом ищем мои очки.

– Гэ Фэ, напоминаю: теперь со мной поосторожнее, – подчеркнуто важно говорит Светка и грозит пальчиком.

– Тебе больно? – спрашиваю испуганно.

– Нет. Но не забывай: сейчас я – хрустальная ваза, – отвечает строго Светка и опять смеётся.

Гэ Фэ она стала называть меня ещё в девятом классе, поскольку я – Герман Фомин. Хотя до этого за мной давно и прочно укрепилась другая кличка – Профессор, благодаря которой, наверное, я и возомнил себя таковым в перспективе. Однако со временем то ли узнал себя лучше, то ли во мне что-то щёлкнуло и я изменился, но понял: не моя это стихия – сидеть за столом. Стал колесить по стране. Оказавшись в поезде, каждый раз невольно вспоминаю своё счастье «в чистом виде», равного которому я пока так и не испытал.

... – Герка, а знаешь, я поняла одну вещь, – Светлана говорит таинственно, её глазницы кажутся ещё больше. – Не зря люди думают, что сердце всё знает, чувствует, и его не обманешь.

– Да ну!

– Правда – правда! Когда я первый раз тебя увидела, у меня почему-то ёкнуло сердце. Такого со мной никогда не случилось ни раньше, ни потом. Я так удивилась! – Светка полулежит поперёк своей полки напротив меня, упершись стопами между моими коленками о полку. – А ты сидишь такой, в бежевом свитере, небрежно развалившись, и смотришь на меня в упор, как бы сверху вниз. Светло-русые волнистые волосы, правильные черты лица, очки... Красавчик! Олицетворение ума и благородства! И я подумала: почему такой верзила уселся за переднюю парту?

– Ну, скажи, что влюбилась с первого взгляда.

– Ой, Фомин, ты же знаешь, что это не так. Мне тогда нравились красивые плохие мальчики, а ты хоть и красивый, но ужасным отличником оказался. Я считала тебя маменькиным сынком, позёром, задавакой. Девчонки бывают такие – вообразули и выпендрёжницы.

– И ты называла меня подружкой.

– Угу! Я даже сейчас не совсем понимаю, что ты – муж! Объелся груш! – Она опять хохочет.

– Вот я тебе сейчас покажу подружку! – бросаюсь я к ней

и целую в щёки, шею, губы...

С тех пор прошло около сорока лет. Целая эпоха! Теперь и жизнь другая, и нравы не те, ценности во многом поменялись. А любовь осталась одна, и та в моих воспоминаниях.

2

Я помню чудное мгновенье!.. Светлана явилась в наш класс с директрисой и со своим папой, который, судя по количеству лычек, был какой-то шишкой в гражданской авиации.

Шёл урок физики. Его вела наша классная руководительница Фрекен Бок, так мы окрестили её за потрясающее сходство с тёткой из книги про Карлсона и созвучную с ней фамилию – Бокова.

«Новенькая, новенькая», – пробежал по классу шёпот. Они стояли у стола: девчонка с портфелем и по обе стороны – взрослые, как стражи.

– В вашем классе пополнение. Света Ковалёва. – Зычным голосом объявила директриса. – Света хорошая девчонка, учится без «троек». – Она с уважением посмотрела на новенькую. – Света приехала из Волгограда. Надеюсь, вы познакомите её с нашим городом, с традициями нашей школы. Прошу дружить и жаловать!

Светка стояла и улыбалась. Скромненькая такая, темно-волосая, с хвостиками, завязанными над ушами, в коричневом платье, чёрном фартуке – форме, которую наши девчонки уже отказались носить в будни.

– А ножки ничего себе! – донеслось с последней парты.
– Лесин! – прикрикнула Фрекен Бок.

По классу опять пронеслись смешки и шёпот.

Она улыбалась и смотрела на всех сразу, но на одну секунду её взгляд задержался на мне, я это сразу заметил и больше уже ничего не видел, кроме её глаз – лучистых, как два солнца. Мне даже показалось, что в классе стало светлее, просторнее.

Мой дружок Валерка Зак, который сидел рядом, подтолкнул меня локтем и показал первый палец:

– Во! Нормальная бикса.

– Да-а... – закивал я и с опаской глянул на симпатягу Зака.

С тех пор по утрам я подкарауливал Светлану на пути в школу. Несмотря на трескучие морозы, выходил из дому гораздо раньше и, спрятавшись за углом, ждал.

– О! Привет! – Я, не спеша, подходил к ней и сопровождал до самого класса.

Из школы променады вдвоём не удавался: кто-нибудь обязательно «садился на хвост». Новенькая вызывала любопытство не только у пацанов, но и у девчонок, которые стали носить традиционную одежду – коричневое платье и чёрный фартук. Мода у них такая наступила, значит.

...Начался урок литературы. Её преподавала училка, которую мы между собой звали попросту – Аллочка, за её небольшой рост, нежный голосок и юный возраст. Она дала нам выучить стихотворение советского автора на выбор, но любителей поэзии среди нас не оказалось, поэтому задание мы, в большинстве своём, не выполнили. И тогда Ал-

лочка рассвирепела не на шутку: поставила в журнал кучу «пар». Ковалёву вызвала в конце урока. Класс притих. Нювенькая у доски отвечала впервые.

– Роберт Рождественский, – объявила она негромко, но твёрдо. – «Письмо к Франсуазе Саган».

– Пожалуйста, – благосклонно кивнула Аллочка.

Светлана читала очень красиво, с «выражением»:

– Над высушенной гвоздикой прошебаршит гром.

И на песок тихий тихо вытечет кровь.

Станет сердце неслышным. Небо застынет в глазах...

«Не надо... Ведь я же лишний...» – успеет парень сказать.

Но будет грохотом танка в землю вдавлена фраза!

И всё оборвётся...

В классе стало так тихо, будто бы он опустел, и только голос Ковалёвой:

– А где-то в своём Париже, которого не повторить,

Станет девчонка стриженная лишние слёзы лить.

Лишними станут подруги, лишним покажется март,

Лишними станут руки, привыкшие обнимать...

Когда стихотворение закончилось, все ещё продолжали молчать, потом вдруг, не сговариваясь, заплодировали. У меня бегали мурашки по телу.

Я влюбился в Светку окончательно и бесповоротно. Больше не изображал равнодушие, вальяжность. Я стал её рабом. Она это поняла по-своему и возвела меня в ранг «подружки», тем более, что таковых в нашем классе у неё не оказалось, поскольку наши барышни давно определились, кто с кем и против кого дружит. Кроме того, все хором сочувствовали Иринке Цапиной – она жила по соседству, и нас с малолетства связывала трогательная детская дружба, в результате которой Ирку прозвали Профессоршей, по аналогии со мной. Теперь её так величать перестали, а девочки со Светланкой разговаривали, поджав губки. Ковалёва общалась преимущественно с мальчишками, чем ещё больше раздражала прекрасную половину нашего класса.

Теперь Светлана позволяла мне вполне открыто сопровождать её в школу и домой, я писал за неё контрольные по ненавистным ей математике и физике, толкался в очередях за билетами на концерты и премьерные спектакли, даже полюбил балет, Рождественского, Евтушенко, Вознесенского, Ахмадулину! А она в ответ доверяла мне свои тайны, мечты... Я всячески демонстрировал участие и непритязательность, при этом страдая и терзаясь. Так прошёл год.

И снова зима! Классы, коридоры в серпантине, гирляндах. Разукрашенная ёлка в актовом зале. Школьный бал! Светка в голубом платье с серпантинном, конфетти на волосах – глаз не оторвать, ужас как хороша! Может, я просто придумал её себе, а она совсем другая? Ведь так бывает, я читал. Но нет. Нет же! Вон пацаны из соседних классов приглашают её танцевать. А она всем улыбается, смеётся. Ах-ха-ха! Я, кажется, стораю от ревности. Мне бы в самый раз нарядиться во всё коричневое, как в анекдоте про Вовочку, сесть в углу и портить атмосферу. Я ненавижу себя такого ревнующего и злого, но ничего не могу с этим сделать. А с какой стати вьётся вокруг Светки этот хлыст из 10-б, Вольский? Не отходит от неё. Врезать бы ему. Ну, не умею я драться!

Пацаны втихаря притащили вино. Я залпом заглотил почти стакан винища и решительно направился в зал. Светка с кем-то танцевала. Набычившись, предупреждаю Вольского:

– К Светке не подходи. Понял?

– Чего-чего-о-о? Не понял. Давай выйдем, объяснишь!

Мы выходим во двор. Слово за слово, моя рука первой рвётся в бой, но не достигает цели. Получаю в ответ неслабые удары в скулу, челюсть, нос и падаю в сугроб. Соперник победоносно удаляется. Я барахтаюсь в сугробе, выбираюсь

из него, ищу очки, в темноте не нахожу их и возвращаюсь в зал.

– Пойдём, если хочешь, чтобы я проводил тебя, – говорю Светке.

– Ой! – она испуганно хватается за свои щёки. – Гэ Фэ, что с тобой? – говорит она. – Что у тебя с лицом, где твои очки?

– О косяк стукнулся.

– Да от тебя вином пахнет! – ужасается она и, не раздумывая, соглашается: – Идём.

Всю дорогу молчим. Светка ни о чём не спрашивает, и я ей за это безмерно благодарен. Только у своего подъезда она говорит:

– Я, конечно, не знаю, что у тебя там произошло. Захочешь – расскажешь. А ушла я, чтоб тебе не добавили. Ведь тебя побили, да?

– Что значит – побили?!

– Откуда я знаю? Но ты пьяный! Иди домой, чтобы я не думала о тебе плохо. Завтра я уезжаю с мамой в Волгоград.

Светлана уехала на все каникулы. И увезла с собой погоду. Тут такой колотун наступил, прямо-таки крещенские морозы! Мне, конечно, повезло: с моей побитой мордой очень кстати дома отсидеться и никому ничего не объяснять. Откалался от шахматного турнира, к которому так усердно готовился. Как посмотрю в зеркало – самому себе хочется по ро-

же двинуть.

Зато небывалую активность развила Иринка Цапина, вначале по полчаса зависая на проводе, а потом и вовсе: «Я такой тортик испекла! Приходи на чай», «У меня такая книга интересная! Хочешь, принесу?» и так далее. Мне надоедо отнекиваться, и я сказал, что заболел заразным гриппом, лежу пластом. Самые тоскливые зимние каникулы в жизни! И тянутся так долго. Долго...

Светка приехала какая-то новая, до неузнаваемости важная, взрослая. Я примчался сразу же после её звонка.

– Фомин, ты когда-нибудь целовался? – спросила она этак снисходительно, за чаем с бутербродами.

– Конечно! – сходу соврал я.

Она понимающе кивнула, и маска бывалой дамы с неё тут же слетела.

– Гэ Фэ... Я тебе что-то по секрету скажу. Я целовалась! – Она мечтательно прикрыла глаза и покачала головой. – До этого я часто думала: а каким будет парень, который первым меня поцелует?.. Некоторые мальчишки, правда, пытались, но до этого не дошло. А тут – по-настоящему. Представляешь?

– Да уж! – еле выдавил я, потому что в глазах у меня потемнело, я готов был задушить Светку, как Дездемону, но с трудом натянул улыбочку: – И как? Понравилось?

– Я не могу этого объяснить, но... но, наверное – да...

– И кто же этот ухарь на сивой кляче?

– Вовка Банан из нашей школы.

– А почему «Банан»?

– Фамилия у него такая, Ананьев. Он учился на класс старше, теперь в институт поступил. Мы с ним в прошлом году немножко гуляли, в кино ходили, а потом я уехала. Он написал мне письмо. Я пока думала – думала, что ему ответить, потом поздно стало, неудобно.

– И долго вы с ним целовались? – допытываюсь я.

– Нет. Ну, стрёмно как-то, у меня аж голова закружилась. Да ещё в подъезде. Я убежала домой, мы у маминой подружки гостили. А на следующий день мы с мамой уезжали.

– Он провожал, конечно, с цветами, хлопушками и фейерверком! – Кажется, я разозлился, и меня понесло!

– Да ну тебя! Он вообще не провожал. Я не разрешила. Мама, тётя, подружки!.. И он, да?

И тут, сам не знаю, что на меня нашло. Я накинулся на Светку с горячим намерением поцеловать её! Она, как ошпаренная, отскочила от меня, я догнал, схватил её за руку, она вооружилась большой теннисной ракеткой и стала махать ею передо мной.

– Фомин, ты что! Белены объелся? – крикнула она.

– А что? Другим можно, а мне нельзя? – процедил я, отпустил её руку и удалился, хлопнув дверью.

Она даже не вышла меня проводить.

Перед первым в новом полугодии учебным днём я почти

не спал. Вообразал себя то мачо, то суперменом, а то и вообще – чмом или хиляком. Я жаждал мести. Это непременно!

Светку перед занятиями я не ждал. В школе подошёл к Ирине Цапиной:

– Скажи Беловой, чтобы слиняла куда-нибудь. Я с тобой сяду.

Ковалёва оказалась в одиночестве за нашей партой. Нас она могла видеть сбоку, краем глаза. Заметив такой расклад, добрые ребяташки стали подначивать:

«Возвращение блудного друга?» «Совет вам да любовь!» «Старый друг лучше новых двух! Правда, Фомин?»

Кажется, я Светке отомстил. Она наверняка сидела «не в своей тарелке». Я торжествовал! Весь урок мы с Цапиной перешёптывались, пересмеивались и получали замечания от математички, которая призывала нас вести себя прилично.

Прозвенел звонок на перемену.

Светка проходит мимо меня, бросает на парту скомканный тетрадный лист и, не останавливаясь, говорит:

– Тебе. Прочитай.

Такой злой я её видел всего пару раз – когда она становится холодной, надменной, говорит очень тихо и презрительно.

С удивлением и скрытой радостью разворачиваю, разглаживаю изрядно помятый листок, читаю:

– Сижу над играками, иксами,

А в голове – стихи.
Вроде бы выпрыгнули мы сами
Из недр математики.
Как Пифагоровы дети,
Мы в треугольниках этих.
Унылые катеты —
Ирка и ты,
Гипотенузы веточка —
Я, Светочка!
С ней у вас угол прямой,
Тупее, чем острый мой.
Заметь, к тебе я ближе.
Вместе взятые вы же
Не стоите меня одной!

Я торжествую, ликую. Неужели Светка ревнует?

– Ковалёва, а зачем ты стихи так измяла? – спрашиваю на перемене.

– По-твоему, надо было свернуть их в трубочку, перевязать розовой ленточкой и облить духами? Это не любовное послание! Ты хоть понял?

– Но и не бумага для туалета, – продолжаю препираться.

– Вроде того. Иди, используй по этому назначению, – фыркает Светка и поворачивается ко мне спиной.

Я готов истерзанный листок поместить в рамку и повесить над своей кроватью.

Удивительная Светка!

На следующем уроке в кабинете физики возвращаюсь на своё место. Ребята опять подтрунивают, хихикают. Им-то чего надо!

С Ковалёвой не разговариваем. Общаемся на уровне междометий. Посередине парты выцарапываю рейсфедером:

ЛЮБВИ НЕТ! БРЕХНЯ!

Светка читает и ниже пишет ручкой такими же буквами:
ЛЮБОВЬ ЕСТЬ. ЯСНО?

Позже, когда мир и дружба торжествуют, я спрашиваю:

– Откуда ты знаешь, что любовь есть?

– Из книжек, кино... – отвечает.

– Сказки! У тебя-то как с этим?

– А у меня всё ещё будет!

– Ну-ну... – киваю. – Флаг тебе в руки.

Май. Небо синее, деревья в цветах. Погода, природа – хоть улетай! Как обычно, поджидаю Светланку на пути в школу. Вот она вышла из-за поворота – в синей юбчонке, белой рубашке, с незавязанными волосами. Последнее время Светка носит туфли на высоких каблуках, отчего ещё больше приосанилась. Увидев меня издали, разулыбалась, помахала рукой. А я вдруг отмечаю, что это уже не та Светка-девчонка, какая была совсем недавно, в которую я влюбился, как ненормальный. Нет больше той Светланки, а есть другая, вот эта – высокая, стройная, красивая девушка с обалденными ногами. Теперь мне ещё труднее соответствовать ей, но чем я, собственно говоря, хуже? Почему она видит во мне только подружку, бабу?..

Всё-таки долго ныть мне не приходится: стоит Ковалёвой подойти – и я уже сияю, как медный таз и таю, как конфетка.

– Свет, классно выглядишь! – визжу от восторга, поджав хвост. – Вообще с тобой невозможно ходить: на тебя все пялятся, и я невольно попадаю в поле зрения.

– Не преувеличивай, Герка! – отмахивается она. По-моему, Светка и сама ещё не привыкла к этому вниманию.

– Свет, а давай в школу не пойдём! – вдруг приходит мне в голову.

Она на секунду останавливается, с недоверием смотрит –

не шучу ли я, и радостно соглашается:

– Правильно! Гэ Фэ, давай погуляем. Умница, ты не Профессор! Ты Академик!

Мы садимся в трамвай и, чтоб никто не засёк нас, едем на окраину города, туда, где начинаются дачи и простирается пустырь.

Дачи, как весенний остров – сплошной цветущий сад, даже домов не видно за бело-розовыми деревьями. Фантасмагория запахов, красок, неба, солнца, зелени, цветов! И Светка рядом такая восторженная, радостная, близкая, будто бы моя! Кажется, я пьянею от этого чуда. Минуют сады, оказываемся на пустыре, в широком овраге, по которому идём под стрекот кузнечиков, чириканье каких-то птах, и запахи витают уже другие, терпковатые – молодых трав, ранних цветов.

– Ящерица! – взвизгивает Светланка и устремляется за ней, пытаюсь поймать. – Говорят, если наступить на хвост, она его оставляет, а потом вырастает новый. Давай поймаем!

Бросаем на траву портфели, Светка скидывает свои туфли на каблуках и, сталкиваясь друг с другом, хохоча, гоняемся за юркими, неуловимыми рептилиями. Наконец нам надоедает эта бессмысленная охота. Светлана садится на портфель, я ложусь на пахучую до одури траву.

– А я в пятницу в Волгоград уезжаю на турнир, – говорит она.

Даже благостное настроение не позволяет мне не съехидничать:

– Вот нацелуешься вдоволь!

– Да ты что, Фомка! Банан там уже подружку завёл, везде с ней ходит. Мне девчонки писали.

– Переживаешь?

– Ни капельки. Как-то всё само собой окончилось. Если честно, я скучаю по гимнастике, по атмосфере зала, тренировок, соревнований. Жаль, что я так выросла. Из мелкой превратилась в дылду. Прихожу после летних каникул и боюсь тренеру в глаза посмотреть, а та чуть не плачет: «Как же ты так! Я в тебя столько вложила всего...» Она уже и до этого переживала, что я расти начала. Пришлось расстаться. А теннис – это так, от безысходности. Везде я опоздала. И сейчас еду больше для того, чтоб подружек повидать.

– Свет, ты не расстраивайся так из-за гимнастики. Зато на физре вон какие номера откалываешь, особенно на брусьях. Аж дух захватывает! – стараюсь я утешить подружку.

– Хм! Ну и ладно. – И тут же, как ни в чём не бывало, переключается: – Гэ Фэ, посмотри, какая лужайка из одуванчиков. Во-о-он, видишь? Я умею веночки плести. Пойдём нарвём, только стебли нужно подлиннее выбирать.

Мы приносим охапку цветков, и Светланка принимается их переплетать. Она сидит на своём портфеле в окружении жизнерадостных желто-зелёных красок на фоне пронзительной голубизны неба, как королева цветов на троне. Я не могу глаз оторвать от неё и говорю:

– Светка, если бы я умел рисовать, я бы обязательно за-

печатлел тебя прямо сейчас.

– Да? Вот и нарисуй! – оживляется она. – Главное, не как умеешь, а как ты видишь.

– Угу, вдруг ещё обидишься. упираюсь я и предлагаю: – А вот сфотографировать – пожалуйста. Давай устроим пикник с фотиком.

– Давай, – безразлично пожимает она плечами.

И, чтобы окончательно оправдаться, говорю:

– Тебя и так Нилова Танька целую пачку нарисовала. Видела?

– Видела. Она мне несколько штук показывала. Называет их этюдами.

– Говорит, ей твои линии нравятся.

– А тебе?

– Нравятся. Но я же не собираюсь стать художником, а она уверена, что будет.

– Значит, будет. А ты уже точно определился?

– Точно. Продолжу разработки отца по сварке.

– Тебе это интересно?

– Да. А тебе что интересно?

– Про тебя? – смеётся она.

– Нет, про себя.

– Про меня?.. Узнавать про других. Ездить, путешествовать, понимать их.

– Значит, всё-таки инъяз?

Светланка кивнула, достала из портфеля резинку для во-

лос и закрепила ею стебли. Затем надела венок на голову.

– Ну, как? – Она повернулась в полупрофиль, приподняв подбородок.

И вдруг... стала феей из весенней сказки или неведомой мне реальности, где есть только красота и любовь. Да, именно такой я увидел свою Светку – фею на портфеле, босоногую, в синей юбке, белой блузке и ореоле из солнечных цветков.

Меня, как молнией,шибануло чувство восторга, смешанного с нежностью, радостью – до слёз, до потери пульса, до умопомрачения! Ничего подобного я раньше не испытывал. Если я сию же минуту не поцелую её, не обниму крепко-накрепко, я просто задохнусь от этой жгучей потребности. Наверное, на моём лице отразилось что-то похожее на такой почти неуправляемый приступ желания, потому что Светка покраснела, смутилась, отвела глаза. Мне и самому стало неловко, будто бы меня застигли врасплох. Я с огромным усилием подавил в себе эту небывалую вспышку чувственности и срывающимся голосом сказал:

– Н-нормально...

– Жаль, у меня с собой зеркальца нет.

– А ты возьми это... – я показал на венки, – с собой. Заодно сфотоаю... дома.

– Да? Ладно! – согласилась она, встала, положила свою «корону» в портфель. – Давай возвращаться, – скомандовала она, надевая туфли. – А то опоздаем, и кинутся нас искать.

– Проколемся, значит, – кивнул я и, нехотя поднялся.

Мы шли к трамвайной остановке той же дорогой – по оврагу, мимо бело-розовых садов.

– А хочешь, я тебе стишок прочитаю? – спрашивает Светлана.

– Хочу. Чей?

– Мой. Вчера придумала.

Постучал в окошко мне
Веткою черёмушной,
Юный баловник большой
Синеглазый Май.
Я не знаю – чудо ли,
А быть может, удаль лишь.
Но ему я крикнула:
«Май, не исчезай!»
Посмотрел приветливо,
Улыбнулся щедро мне,
И с Весной кокетливой
Взял – и убежал.
Хулиган непрошенный,
Только растревожил он.
Обещал: «Вернусь с Весной!
Не скучай! Прощай!»

– Перепишешь? С автографом.

– Сверну рулончиком и перевяжу розовой ленточкой, – засмеялась она.

...На следующий день Светка вручила мне своё произведение в обещанной упаковке. Это её стихотворение, как и первое, я обязательно сохраню.

Школьная линейка по случаю Последнего Звонка. Шум, гам, трогательные речи, цветы, розы, слёзы... Первоклашки вручают нам, выпускникам, книжки на память от школы и каждому по гвоздике. Мне досталась «Как закалялась сталь» Островского с прощальными пожеланиями на обложке и подписью директора школы.

– Свет, – обращаюсь к Ковалёвой, – на, цветочек.

– Ты хочешь, чтобы у меня их было два? – почти обижается она.

– А! Понял. – Подзываю Валерку. – Зак, отдай Ковалёвой цветок. – Забираю у него гвоздiku и отдаю Светке.

– Пожалуйста, – пожимает плечами Зак.

– Спасибо, – благодарит она и нюхает букет из трёх цветков.

Светланка сегодня, как и все девчонки, в парадной форме – в белом фартуке и с белой клумбой на макушке, из которой свисает хвост. Эти огромные банты на их головах, как воздушные шары – у кого по одному, у кого по два – кажется, вот сейчас дунет ветерок, и взлетят они вместе с девчонками. От этих бело-коричневых фигурок на школьной площадке прямо-таки рябит в глазах. Все вокруг галдят, снуют или улыбаются и плачут.

– Десятый «А»! – зазывает Фрекен Бок. – Не расходитесь,

подойдите ко мне! Кто ещё не сдал деньги на выпускной, принесите до субботы мне или председателю родительского комитета!..

Ко мне подходит румяная восьмиклассница с русой косой до пояса, ямочками на щеках и алыми губками бантиком.

– Герман, тебя можно? – спрашивает.

– Что меня можно? – прикалываюсь я нарочно громко, чтобы обратила внимание Светлана. Я ей как-то рассказывал про эту малолетку. На 23-е февраля она подарила мне смешного плюшевого Волка из мультика «Ну, погоди!», размером с ладошку, и открытку, из которой я узнал, что эту девочку зовут Оля Исаева и учится она в восьмом «В». Она желала мне крепкого здоровья и успехов в учёбе.

– Теперь ты должен поздравить её с 8 Марта, – сказала тогда Света.

И я поздравил. Захожу на перемене в её класс, она сидит за партой. Отдал ей коробку конфет и спрашиваю этак браво:

– Целоваться будем?

– Н-нет, – лепечет она и, смутившись, забывает опустить крышку парты, на которой с внутренней стороны нацарапаны и обведены ручкой четыре огромные буквы: ГЕРА.

– Твоя парта? – спрашиваю.

– Да... – кивает она, поспешно захлопнув крышку.

– А кто тут Гера? – допытываюсь я.

Оля некоторое время молчит, а потом еле шепчет:

– Ты... – опускает глаза и заливается краской.

– Ай-я-яй! – шутливо грожу ей пальцем. – Порча казённого имущества! – И, подмигнув, ухожу. – Пока!

– Пока, – бормочет она.

Светка объяснила мне потом, что восьмиклассницы влюбляются в старшеклассников, потому что их ровесники ещё отстают от сверстниц. А что по мне – так девчонки-малолетки слишком наивны. Хоть и приятно, конечно, с ними чувствовать себя таким героем и не заикаться от нерешительности или смущения. Но всё-таки со старшеклассницами интереснее, особенно со Светланкой.

Мы с Олей Исаевой отходим на несколько шагов. Я останавливаюсь там, где Светка может хорошо видеть нас.

– Вот, – Оля протягивает мне книгу Ремарка «Три товарища» и говорит: – Желаю тебе успешно сдать экзамены. И чтоб в жизни у тебя было всё хорошо.

– Спасибо, Оленька, спасибо, – говорю я, слегка похлопывая её по плечу, даже приобнимаю.

Одновременно поглядываю на Ковалёву. Ноль внимания! Раскрываю книгу. В углу обложки подпись: «На добрую память о школе от О.И.»

– Гера, а скажи мне, – Оля Исаева замялась, затем набрала воздуха и выпалила: – А у вас со Светой Ковалёвой дружба или любовь?

Я растерялся и, чтобы скрыть своё замешательство, расхохотался. Не стану же я тут выворачивать душу наизнанку.

– Оленька, много будешь знать – скоро состаришься! А те-

бе ещё рано стареть. Правда? – Я опять похлопал её по плечу и покосился на Свету. Она не смотрела на нас. Ковалёва так ни разу и не глянула. Не удостоила! Видела же, что мы в сторону отошли. Может, всё-таки ревнует. Или наоборот?

Наконец-то экзамены позади, все довольны, потому что можно немного развеяться перед главным испытанием – поступлением в институт. А сегодня прощальный школьный бал.

Светланка в белом платье, вернее, как она его назвала, платье цвета шампанского. Волосы она завилала крупными волнами, туфли надела на высоких шпильках. Выглядит, как манекенщица. Она читает со сцены Евтушенко:

– Бал! Бал! Бал на Красной площади,
Бал в двенадцать баллов —
Бал выпускников!..

Стихи Светка рассказывает классно. Ей долго хлопают, расчувствовавшиеся мамы достают носовые платочки. Валерка Зак играет на гитаре и поёт песню Высоцкого из фильма «Вертикаль»: «А я выбираю трудный путь, опасный, как военная тропа...» Моя мама не устаёт любоваться, вроде своего собственного трофея, медалью, которую мне выдали вместе со школьным аттестатом и грамотой шахматного клуба. А в классах нас уже ждут накрытые столы, как водится,

с шампанским. После первого торжественного тоста с учителями родители удаляются в соседний кабинет, где пьют коньяк, а затем и вовсе расходятся по домам. Мы принадлежим себе!

Воодушевлённый, осмелевший я зазываю Светку в пустой класс и закрываю дверь на швабру.

Она вытаращивает глаза и, настороженно хихикая, говорит:

– Фомин, что это значит?

Я зачем-то снимаю очки и отвечаю с вызовом:

– Разговорчик есть.

– Ну, давай...

Так же решительно я заявляю:

– Ковалёва! Я хочу сказать, что я давно тебя люблю. Могу ли я рассчитывать на взаимность?

Секундное оцепенение – и Светка заливается смехом. Она в изнеможении садится на парту и прикрывает ладонями лицо не в силах справиться с собой. Её плечи подрагивают, она буквально угорает от своих дурацких эмоций. Сквозь смех говорит:

– Гэ Фэ, Америку открыл! Весь десятый «А» об этом знает. Думаешь, я не знаю? – Потом приходит в себя и декламирует: – Но «недосуг нам думать о любви. Нас ждут великие свершенья!»

6

Лето выдалось жаркое. Не только из-за школьно-вузовской суеты, но и в прямом смысле. Мы сидим со Светланкой во дворе её дома на скамейке под деревом, спрятавшись от солнцепёка, и пьём лимонад из одной бутылки. Скоро Свет Очей моих уедет в Москву подавать документы в институт, и останется там, где её уже ждёт – не дожждётся одинокая сестра бабушки. Я своё заявление пока никуда не подаю: всерьёз подумываю о том, чтобы тоже учиться в Москве, но этими замыслами пока ни с кем не делюсь. Сейчас решил закинуть удочку.

– Свет, значит, ты точно уезжаешь, да? – говорю.

– Сто процентов, – кивает она.

– Свет, а может, и мне махнуть в Москву? – осторожно спрашиваю.

– До экзаменов? – оживает она.

– Нет, поступать в институт.

– Зачем это?..

– А за компанию. Всё веселее!

Света смотрит на меня очень внимательно и говорит:

– Гэ Фэ, ты наверняка поступишь. У тебя медаль, и сдавать только один профилирующий. А я могу и не пройти, тогда придётся возвращаться домой. Ты захочешь остаться в Москве?

– Нет.

– Вот видишь! Не делай глупостей, товарищ Профессор. Подавай документы здесь.

– А ты думай о лучшем, и всё получится, – пытаюсь я «лечить» Светку.

– Смешной ты, – серьёзно говорит она.

– Пусть так, но не понимаю, зачем куда-то ехать, когда тут дом, родители. Оставайся. А?

– Нет, Гера. Этот город не стал мне родным, своим, что ли... Как-то «не ко двору» я тут. Да и родители здесь из-за папиной работы. Не факт, что навсегда.

У меня не укладывается в голове: неужели наши дорожки разойдутся? Наваливается грусть. Даже сейчас не хочу отпускать Светланку домой.

– Свет, давай погуляем вечером? – предлагаю. – Может, в кино сходим. А?

– Не знаю, – она реагирует без энтузиазма. – Ну, давай...

– Часов в шесть, ладно?

– Ладно, – соглашается она.

Прихожу домой с одной мыслью: вечером снова увижу своего Светлячка. Закончилась школа – и в моей жизни мало стало Светы, мне её ужасно не хватает, а скоро и этого не останется.

Задолго до встречи начинаю собираться. Принарядиться решил по парадному варианту: брюки от выпускного костю-

ма, тупоносые модные туфли из той же серии и светло-бежевая рубашка (мама говорит, что этот цвет гармонирует с моими коричневыми глазами и светлыми волосами). Отутюживаю штаны, чищу до зеркального блеска туфли. Мама всячески старается скрыть своё участие и особенно любопытство, но всё-таки не удерживается:

– Гера, впервые вижу, чтобы ты так тщательно собирался. Уж не на свидание ли?

Я загадочно смеюсь:

– Как знать!

– Да уж скажи, сынок, куда ты?

– Куда идём мы с Пяточком – большой-большой секрет, – напеваю и сам чувствую, что я «в ударе». Но какой может быть секрет, когда нужны деньги! – Мамуль, дай денег...

– Герочка, деньги сегодня кончились, а зарплата в понедельник, послезавтра. Ты же знаешь ситуацию.

Вообще-то мои родители зарабатывают не мало. Папа – сотрудник НИИ, мама – одна из пяти «китов» в управлении железной дороги. Но сейчас они строят загородный дом, поэтому приходится ужиматься.

– Я Свету в кино пригласил... – растерянно бормочу.

– Свету?! – охает мама и тут же принимает решение: – Сейчас у соседки займу.

Она выскакивает в подъезд, вскоре возвращается с десятирублевой купюрой и протягивает её мне. Я растроган до соплей. Обнимаю маму, целую и даже приподнимаю. Она

высокая, и все говорят, что очень красивая. Но я, как никто другой, знаю, что она очень и очень добрая, и если бываю с ней несдержан, груб, потом переживаю, казнию себя.

– Ма, как ты думаешь, галстук повязать? – спрашиваю.

– Наверное, нет. Там такая жара, – говорит она и любовно разглядывает меня. – Какой ты взрослый стал! На свидание идёшь... – Её глаза увлажняются.

Ещё раз целую маму, засовываю червонец в карман, бодрым шагом выхожу из дома. Во дворе оборачиваюсь и, конечно же, вижу на балконе маму. Она улыбается, машет мне во след. Я в ответ – воздушный поцелуй. Такая идилия!

В шесть ноль-ноль я, как часы, звоню в Светкину квартиру. Она открывает и, вскользь глянув на меня, кивает:

– Привет. Проходи.

– Привет... – отвечаю по инерции. Улыбка медленно сползает с моей физиономии, потому что, кажется, смекаю: Светка не очень-то ждала моего появления. Домашнее платье, спутанные волосы, в глазах абсолютное безразличие. – Свет, так мы идём в кино? – спрашиваю растерянно.

– В кино? – удивляется она. – Какое кино?

– Мы ведь договаривались...

– И не очень-то, – пожимает плечами она. – Так, разговор ни о чём.

– Ты же сказала «ладно».

– Мало ли, что я сказала, – раздражается Светка. – Ещё куда-то переться в такую жару! Сидеть в кинотеатре! О, нет,

это выше моих сил. К тому же мне совершенно некогда: надо собираться к отъезду, оформлять медицинскую справку в ВУЗ. Сам ведь понимаешь. – И, как ни в чём не бывало, переключается: – Давай я тебя окрошкой угощу?

– Перебыюсь. Собирайся к отъезду. – Я резко поворачиваюсь и спускаюсь по ступенькам, едва сдерживая себя, потому что хочется бежать, куда глаза глядят, очертя голову, не разбирая дороги.

– Гэ Фэ, только не обижайся! Ладно? – слышу вдогонку.

...Мама открывает мне дверь, и тревога моментально вписывается в её прекрасные карие глаза.

– Ты?! – удивляется она и пятится.

Я достаю из нагрудного кармана червонец, отдаю его маме.

– Вот. Возьми. Она не захотела идти. – И больше ни слова не говоря, закрываюсь в своей комнате.

Глава II

1

Светка благополучно поступила в институт, в чём я и не сомневался. Впрочем, маленькая эгоистичная надежда на её возвращение оставалась, но теперь она улетучилась. А я тем временем без проблем стал студентом нашего политеха. Эйфории по этому поводу я не испытал. Хотя многое из происходящего со мной познал впервые, поскольку вскоре меня захлестнула новая, незнакомая, послешкольная жизнь. Впервые я отправился с приятелями на море без предков. Тем временем заезжала домой Светлана, она отдыхала с родителями в Болгарии. Затем она забрала свои вещи и укатила в Москву. Мы с ней так и не увиделись, разминулись.

На какие-либо страдания и терзания у меня времени не оставалось. Началась студенческая эпопея.

Наша институтская группа – это двадцать пять человек, из которых лишь две девчонки: высокая сухопарая Зина и приземистая пухленькая Наташа, обе очкарики, и из каких соображений они решили заняться сваркой, никто не понимал. Чтобы упрочить наше студенческое братство, нам сходу устроили боевое крещение картошкой.

Сентябрь оказался на редкость погожим, а начало его прямо-таки воспламеняло мозг и тело неуместной летней жарой. В эту пору мы – вся наша группа, справляли свой гражданский, он же студенческий, долг: копали картошку в колхозе «Путь Ленина», куда нас заслали в экстренном порядке, поскольку в самый ответственный момент у них капитально вышла из строя картофелекопательная машина. Поселили нас в притихшем после летнего сезона пионерском лагере, выдали лопаты и отправили в поле.

На второй же день изнурительного труда большинство из нас, будущих представителей советской интеллигенции, лопатами натёрли такие мозоли, что работу пришлось приостановить. Нам чем-то намазали ладони и выдали рабочие перчатки. Девчонкам повезло больше: они обе кашеварили во главе с местной поварихой тётёй Палагой, гордо и участливо подчевали нас усталых, проголодавшихся и очень-очень важных.

Через несколько дней, когда мы более-менее приспособились к непривычной работе и к новым условиям, тётя Палага заметила:

– Вы что же это, как старички, сидите? Сегодня суббота. В Вишняках скачки. Невест у нас много, а хлопцы в армии. Погуляйте уже!

Вечером мы пошли в Вишняки. Не все, конечно, а самые подвижные, человек десять. Девчонки наши не проявили никакого интереса к сельским утехам, поэтому остались в ла-

гере. Я оказался в группе энтузиастов исключительно из любопытства. Впервые в жизни я смогу побывать в настоящей деревне! Прежде видел её из окон поезда или папиного автомобиля, проездом. Думаю, такими жадными до новых впечатлений и исследований оказались большинство из нашей компании.

Вишняки – небольшая деревушка возле лагеря, укутанная зарослями вишен, напоминающая оазис в степи. Клуб представлял собой небольшой бревенчатый дом на отшибе. Магнитофон зазывал набившей оскомину попсой, на скамейках вдоль стен сидели несколько девиц нашего возраста и грызли семечки, пацаны-подростки играли в домино за столом в углу зала.

Понятно, что о деревенском быте я имел представление самое смутное, в основном, вынесенное из фильмов и книг. Теперь с любопытством наблюдал изнутри всё, происходящее вокруг, что составляло уклад сельской глубинки – от её традиций, предметов быта до их носителей.

Мы вошли в клуб, вежливо поздоровались, потоптались у порога и, не придумав, чем заняться, вышли. Тут кому-то пришла в голову светлая мысль:

– Господа, а не испить ли нам самогону?

– Где взять?

– Наверняка – в каждом дворе.

– Щаз-з! – поднял руку Женька Воробьёв и, больше ни слова не говоря, нырнул в клуб. Вскоре он вышел оттуда с од-

ним из пацанов, которые играли в домино, и скомандовал: – Скинемся?

Мы «скинулись», и Женька подался с парнем в один из ближайших дворов.

«Причастились» мы не из горячего желания выпить, а исключительно для храбрости в незнакомых обстоятельствах. Такие вот смелые, раскованные и готовые к приключениям мы вернулись в клуб. К этому времени местные девицы открыли бал, видимо, вдохновлённые появлением городских ухажёров и, не дожидаясь их приглашений, зазывали танцами пока друг с дружкой, слегка подскакивая и приставляя стопы одну к другой. Вездесущий Женёк Воробьёв приобнял за плечо одного из наших удалцов и направился с ним к ближайшей парочке, которая с радостью позволила «разбить» себя. Ещё несколько ребят последовали их примеру. Подростки, которые играли в домино, отлучились куда-то, затем взъерошенные возвратились на велосипедах.

– Сейчас из Евдаковки девки придут, – сообщили они нам.

Мы приободрились. А вскоре и правда на великах пожаловали евдаковские девушки, оповещённые о нашествии студентов. Вслед за ними – несколько парней постарше, которые уже отслужили в армии и в клуб приехали в основном с дамами своими. В клубе стало многолюдно, играла музыка. Местные с любопытством разглядывали нас, городских.

Ко мне подскочила шустрая остроносенькая, губастень-

кая девушка:

– Идём? – Она кивнула в сторону танцевального пяточка.

– С превеликим удовольствием! – галантно поклонился я и подал даме согнутую в локте руку. От сопровождения тако-го дама отказалась, заняла позицию рядом, пританцовывая.

– Тебя как зовут? – Она сходу перешла в наступление.

– Герман, – кивнул я с достоинством гусара. Я ещё продолжал играть роль благородного рыцаря.

– А я Рая, – не церемонясь, представилась она и заметила: – Мудрёно тебя назвали как-то.

– Трудно запоминается? – с некоторым высокомерием спросил я.

– Та вроде ж не дура, – парировала она.

Играл медляк, мы танцевали на одном месте, переваливаясь с ноги на ногу.

– Ты здесь живёшь? – поинтересовался я, лишь бы не молчать.

– В Евдаковке бабка моя живёт, а я – в городе, в райцентре. Тут полчаса ехать.

– Учишься? Работаешь?..

– На швачку учусь.

– Кого-кого? – не понял я и даже приостановил топтание.

– На швею! – Она посмотрела на меня, как на недотёпу.

– А-а! Понятно, – уважительно закивал я. – Станешь известным модельером и откроешь свой салон, как Коко Шанель.

– Ха-ха-ха-ха-ха! – залилась она смехом. – А ты с юмором!

– Да, есть немножко, – важно подтвердил я.

С Раей я чувствовал себя уверенно, независимо. Как-то само собой получилось, что множество танцев для нас слились в один. Рая от меня не отходила ни на минуту. Она мне нравилась всё больше и больше, хотя никогда не рассматривал девушек её типа в качестве своих потенциальных подруг: щупленькая тонконожка, невысокая (едва мне до плеча, что при моём росте вполне закономерно), интеллигентности – ноль. Но мне ужасно хотелось её прижать к себе и утащить куда-нибудь в укромное местечко. Может, несколько глотков впервые испробованного самогона дали знать о себе, а возможно, и сама природа напомнила о моём главном предназначении в этой жизни. Наверное, и то, и другое.

Пацан-доминошник баян принёс, и девчонки частушками залились.

– Меня милый не целует,

Говорит, «потом, потом».

Раз гляжу, а он на крыше

Тренируется с котом, – звонкоголосо выводила барышня в розовых носочках и с розовым капроновым платком, повязанным вокруг шеи. – И-и-их! – взвизгнула она.

А вслед за ней и моя подруга подхватила:

– Меня милый не целует,

Говорит: «Губастая!»

Так за что ж я полюбила

Чёрта головастого!

И-и-их! —

Она так же пронзительно взвизгнула, дробно притоптывая каблучками в такт музыке, этакий деревенский Степ. Руки – в боки, глаза горят. Заглядение! И какая смелая, однако! Не побоялась над собой, такой губастенькой, прилюдно подтрунивать, да и на танец пригласила запросто самого высокого парня. Я ведь заметил, что девчонки на меня многие смотрели призывно, крутились рядом, но пока я раздумывал и решался, подскочила Рая и с ходу разрешила мою проблему выбора.

– Молодец, Раиска, здорово зажигаешь! – я приобнял её за плечо и привлёк к себе. – Пойдём на свежий воздух. Душновато здесь стало, – сказал я, желая лишь уединиться. Рая и впрямь меня «зажигала».

Мы вышли из клуба. Свежо, слегка будоражит прохлада осенней ночи. Полная луна, как огромный фонарь, висит над деревней и отчётливо высвечивает Раискин полупрофиль, дразнящий взгляд, грудь под глубоким декольте цветастого платья, наполовину прикрытую расстёгнутой кофтой.

– Не замёрзнешь? – спрашиваю я и зачем-то начинаю застёгивать кофту.

– Нет-нет, – трясёт она головой, но я упорно продолжаю застёгивать её одежду.

– Так, говоришь, милый не целует? – спрашиваю, сам по-

ражаясь своей смелости. – А мне очень нравятся твои губки. Аппетитные! Можно попробовать?

Она хихикнула и, приподняв подбородок, приблизила лицо ко мне. Воодушевлённый, я схватил свою подругу за грудь и чмокнул в губы. Чтобы проделать все эти манипуляции, мне пришлось согнуться чуть ли не вдвое, но ничто больше нас не останавливает. Рая встаёт на цыпочки, обвивает руками мою шею и проходится поцелуями по периметру моего страстного лица. Я задрожал, как будто бы за шиворот кинули лопату снега и, как пишут в некоторых романах, обхватил её трепещущие уста своими страждущими губами...

В это время дверь клуба открылась, и несколько ребят вывалили покурить.

– Пойдём, – хриплю я и тащу Раю за угол.

Стараясь оставаться незамеченными, мы направляемся подальше от людских глаз, в поле, где громоздятся свежие стога. Она плюхнулась на скирду, увлекая меня за собой. Да, я об этом читал, слышал – о романтике сеновалов, любовных свиданий в ауре душистых запахов скошенной травы. Э-эх! Шумел камыш, деревья гнулись! Мы целовались, как сумасшедшие, заведённые преимущественно моим безудержным темпераментом, столько лет ожидавшим своего часа. И вот! Вот он, этот час! Я рыцарь, мачо, Казанова! А со мной, вроде как не щупленькая Рая, а полногрудая, розовощёкая кустодиевская красавица. Да она и есть сейчас такая, моя Рая! Колдунья, Фея, Дульсинея!

Теперь я расстёгиваю её кофточку, срываю с себя пиджак и кладу его под Раю, стаскиваю с неё и себя всё, что мешает полному счастью. То, чего я не умею и не знаю, доделывает природа, но в самый ответственный момент я задаю самый в моей жизни тупой вопрос:

– Куда?!!

Моя колдунья оказалась столь же ненасытной, сколько я темпераментен. С непривычки на моём незакалённом органе образовалась натёртость, по ощущениям напоминающая недавние мозоли от лопаты, только в отличие от пальцев здесь не перевяжешь. Я понял: пора прекращать.

Циферблата на руке под луной не видно, ещё темно, светает теперь поздно. Где-то прокукарекал петух, за ним другой, третий. Стало быть, около четырёх часов. Утренняя прохлада сентября не даёт расслабиться, тем более задремать.

– Я тебя домой провожу. Да? – спрашиваю.

– Та я сама, на лисапете.

– Нет, надо проводить! Как же одной, ночью?

– Та не надо, тут всего два километра. А тебе в другую сторону. Иди вже сам.

– Так не годится...

– Ой, та тут через бугры никто ночью и не ездит. Ничего такого не думай!

– Когда увидимся?

– Завтра, в клубе.

– То есть, сегодня. Угу. – Я ещё раз страстно прижимаю

к себе Раю и одухотворённый, возмужавший, гордый и довольный возвращаюсь в лагерь, мурлыча слова известной песенки: «С ненаглядной певуньей в стогу ночевал...»

Воскресенье. Можно отсыпаться, отдыхать, развлекаться, порхать, как я сейчас, ошастливленный простой советской девушкой Раей. А вечером я её увижу снова, и всё повторится! Рая. Рая. От слова рай. Она несёт восторг, блаженство! Я долго не хочу просыпаться, а поднявшись, веду себя то как сомнамбула, то вдруг чрезмерно оживлённо. Рая – радость – рай... Я хочу её увидеть. Хочу, хочу! Скорее б вечер.

И, наконец, приходит вечер. Сегодня в клуб идём лишь вчетвером. Среди нас и Женька Воробьёв, потому что его воображение покорила круглолицая, белокожая, с румянцем во всю щеку Любаня – поистине кустодиевский персонаж. Весьма энергичный Женька, чубастый, бровастый, долговязый, успевший умудриться кое-каким сексуальным опытом, теперь восторгался:

– Я уже думал, что все бабы – шлюхи, а тут такой цветок, бутон прямо-таки. Цимус! Чистота и невинность.

Кроткая и благодушная Люба, дочь тракториста и доярки, учится в райцентре в педучилище, а домой приехала на выходные. И тут такая встреча – Женька Воробьёв! Нашёл свою Ассоль. Правда, мне она больше напоминает молодую дородную тёлку. Но, как говорится, любовь зла... Моя Рая тоже не грезилась мне в эротических снах, а вон как зацепила.

В клуб мы пришли едва ли не первыми. Присутствова-

ли только местный пацан и его мамаша, которая протираала шваброй пол.

– Домино есть? – спросили мы.

Парень достал с полки коробочку. Вчетвером, вместе с ним, мы принялись «забивать козла». Постепенно клуб заполнился.

Пожаловала Женькина телушка. Он подскочил и усадил на своё место подростка. Вскоре один за другим и остальные мои компаньоны заменили себя за столом пацанами. В окружении местных малолеток я остался один. Моя Рая что-то не торопилась. Да и в клубе не наблюдалось вчерашнего аншлага, наверное, потому что завтра понедельник. Когда я окончательно понял, что моя возделенная Рая не придёт, спросил у её подружки, где она.

– Так Райця ж в город уехала, пятичасовым автобусом. А ты всё ждёшь? Ой-ой, блаженный, – рассмеялась та. – Бери вон любую и скачи. Чем мы хуже?

– Нет, вы слишком хороши для меня, – сказал я со всей серьёзностью, отвесил поклон и вышел из клуба.

Облом. Тоска. «О, жалкий жребий мой!» А я-то губы раскатал. Меня банально кинули.

Из-за угла клуба послышался девчоночий голос:

– Ой, та не надо же... Нет...

И Женькино воркование:

– Мне хотелось прижаться к груди молодой,

Но ты шепчешь:

«Не надо, не надо...»

Ишь, как заливает! Есенина вспомнил. Романтиком сделался. Кажется, я злобствую. Это своё состояние я хорошо знаю, когда хочется одеться во всё коричневое и стать агрессивным вонючкой. Захотелось даже обмыться, но в лагере только холодная вода. Ещё хочется кому-нибудь в морду захватить. Конечно, лучше всего искупаться бы. Такое ощущение, будто у меня здесь постоянно грязные руки, и я даже чешусь. Наверное, от нервов. Слышал, бывает такое.

Ночью моё нервное состояние усилилось. В поле оно не прекращалось. Следующей ночью оно отчетливо локализовалось где-то в подбрюшье. Наступившим утром я убедился: на меня напали быстро размножающиеся насекомые, название которых считается неприличным. Возможно, в стогу подцепил. И ведь никому не скажешь! Засмеют. Надо смотреться домой.

Приезжаю только к вечеру. Нахожу Валерку Зака. Ищем керосин. Родители никак не могут понять, почему я благоухаю керосином. Отец, кажется, догадывается:

– Ты никак мандавошек подхватил?

Приходится сознаться:

– В перерыве на скирде задремал.

– Не манди! – говорит отец прямым текстом. – Поздравляю с боевым крещением! – И безудержно хохочет.

Хорошо, что в группе никто не догадался. Я, конечно,

от ребят не скрывал свою донжуанскую победу, чем вызвал уважительное понимание. Главное – не стать причиной насмешек над горе-любовником в его первом сексуальном опыте.

2

Нет худа без добра. Аксиома. Моя страсть к Рае потухла, не успев разгореться. Это, во-первых. Во-вторых, я сделал свой собственный вывод о вреде случайных и скороспелых совокуплений. Как бы банально это ни звучало. Впредь буду осторожней, ведь могло бы и хуже получиться. Правда, как посмотреть: пострадавшим оказался я один. Вроде стакана – наполовину пустого или наполовину полного. Поневоле тут станешь философом. И где она только взялась на мою голову, эта Рая! И не только на голову мою...

Вооружённый порцией недетского опыта я полноправно приступил к занятиям. Кроме того, «опыт» оказался неплохой прививкой от плотской любви, что мне позволило с головой окунуться в дела институтские. Мне нравилось учиться, общаться с себе подобными. С удовольствием откликнулся на объявление, зазывающее в факультетскую секцию по волейболу, которым занимался прежде хоть и не долго, но небезуспешно. Продолжил и шахматные баталии. Кроме того, меня избрали старостой группы – уж не знаю, чем я вызвал такое доверие. Скорее всего, рекомендовал деканат как медалиста, а значит, человека ответственного, целеустремлённого. Лестно, конечно, но, честно говоря, терпеть не могу общественную деятельность. А куда денешься, если цель и впрямь есть: аспирантура. Я должен продолжить разработ-

ки отца по диффузионной сварке. Мне это интересно. Значит, и начать надо с «пятёрок». Это, как в школе: преподаватели видят предыдущие оценки и свои ставят такие же почти автоматом, соответственно уровню учащегося. Чего проще – сначала ты работаешь на «пятёрки», потом «пятёрки» на тебя. И никакого особого напряжения. И никаких семи пядей во лбу. Поэтому среди отличников столько усидчивых придурков.

Сдружился я ненароком с Зиной Лагутиной, потому что она не напоминала ни резиновую куклу Зину в магазине – из детского стишка Барто, ни какую-либо другую резиновую куклу (не детскую): у неё, наоборот, не наблюдалось притягательной наружности, но присутствовали кое-какие мозги. С Лагутиной и поговорить можно, и не навязчива она, и никакого в ней бездарного кокетства, жеманства. Нет, я не против изысканного жеманства, которое подчёркивает женскую привлекательность (если таковая есть), но не ту, которая вызывает отсутствие мозгов и воспитания.

Фигура Зины обладала пропорциями манекенщицы – высокая, худая, но при этом лишённая грациозности, женственной мягкости. Зина, как и я, оказалась в факультетской волейбольной секции. А позже я понял и причину, побудившую мою одноклассницу предпочесть сварку. Старший брат Лагутиной работал на стройке сварщиком. Сестрёнка обожала старшенького, боготворила его и подражала во всём. Даже на гитаре научилась играть, глядя на него. Привыкнув с дет-

ства к обществу брата, которому пришлось нянчиться с сестричкой в виду занятости родителей, Зина постепенно стала «своей» в компании мальчишек, оказавшихся ей приятнее и привычнее, чем девочки. Странно, что при этом Зина не превратилась в пацанку, «своего парня», но общий язык она находила с противоположным полом в два счёта.

– Гер, подскажи, что можно подарить парню на День рождения, – как-то спрашивает меня.

– Сколько ему стукнет? – уточняю.

– Двадцать пять, – отвечает.

Я удивлённо поднимаю брови.

– Взрослый, однако, парнишка твой.

– Не парнишка, а брат, – смеётся она.

– Подари книгу, лучший подарок, – предлагаю.

– Он больше музыку любит.

– Классическую?

– Да ну! Рок, бардовскую.

– Купи диск тогда, клёвый такой.

– Это ж, где я его искать буду?

– Да, надо иметь каналы... – задумываюсь, и вдруг меня осеняет: – А цветомузыка у него есть?

– Нет...

– Вот! Купи цветомузыку.

– Тоже нужны «каналы», да и деньги, каких у меня нет.

– Понятно, – задумываюсь я и выкатываю новое предложение: – Сделай сама. Пяять умеешь?

– Немного...

– Ладно. Я тебе помогу. Мы в прошлом году с дружкой собрали нормальную установку. Когда у брата днюха?

– Через неделю.

– Успеем. Только надо прикупить всё. У меня есть канал, по которому можно комплект внутренностей достать: транзисторы, диоды, сопротивления и прочие прибабасы. Да, ещё найди фанерный ящик, можно почтовый, и фольгу для внутренней обивки. Ящик протравим марганцовкой, будет как дубовый. Рифлёное стекло можно в мебельном магазине купить. Пойдёт?

– Здорово! – У Зины загорелись глаза. Она осталась в полном восторге от моего предложения.

Паяли мы у Зины дома, днём, когда её родители и брат уходили на работу. До назначенной даты оставалось двое суток, и мы поняли, что не успеваем. Пропустили полтора дня занятий и всё-таки справились. Успели.

За это время мы так сдружились, почти сроднились с Лагутиной. Мне она уже казалась вполне привлекательной. Я не замечал её белесых ресниц, бровей, не знающих косметики, ни похожих на солому волос, собранных резинкой на шее. Я не видел в ней ни парня, ни вожделенную женщину. На данном этапе жизни она стала необходимым мне соратником. Я не посмел бы её обидеть или использовать.

Брат Зины, по её оценке, лучшего подарка не представлял. А Зина в моём лице нашла своего второго, после брата,

кумира. Она жуткая идеалистка, и мне показалось даже, что где-то очень-очень глубоко в ней прячется весьма романтическая натура, которую она стесняется вытащить наружу.

В январе, в разгар сессии, наступил и её День рождения. Зине сравнялось восемнадцать. Из нашей группы она пригласила четверых: Наталью Бондаренко, Женьку Воробьёва, Ивана Шепелева и, разумеется, меня. Мы скинулись и подарили ей электрокамин. «В минуты, когда тебя не будет греть любовь, пусть греет он!» – продекламировали мы и, кажется, вполне угодили имениннице.

Родители Лагутины – люди приветливые и простодушные. Отец семейства – высокий, худощавый, белобрысый – работал крановщиком на стройке. И дочь, и сын унаследовали внешность отца. Мать, напротив, темноволосая, упитанная контрастировала с остальными членами семьи не только внешне, но и по манере общения, приобретённой в торговле.

Лагутины одаривали меня особым гостеприимством. Наверное, в благодарность за подарок Зинину брату. Небось, она нахваливала им меня. Мама внимательно следила за моей тарелкой и, как только в ней появлялся просвет, тут же заполняла его очередной порцией пищи и приговаривала:

– Ешь-ешь, на здоровье. Ты вон, какой высокий, надо есть за двоих! – Так, я слышал, говорят беременным женщинам. Я ощущал себя несколько неловко.

Жизнерадостно, как новогодняя ёлка, в такт Pink Floyd мелькал наш ящик под названием цветомузыка, перелива-

ьясь разноцветными огоньками. Разгорячённый вином Женька Воробьёв выхватил из-за стола Надежду и медленно закачал её в танце. На эту Надю, подружку именинницы, бывшую её одноклассницу, которая сидела напротив нас, я тоже положил глаз, но не потому, что она очаровала меня, а просто из присутствовавших дам, она была наиболее приметна – чернявая, сероглазая, в соответствии с моим вкусом. Чтобы уважить именинницу, я пригласил Зину тоже на танец. Остальные последовали за нами. Образовавшиеся четыре пары медленно и молча топтались на маленьком пятачке у стола в полумраке, о котором срочно позаботился братец Лагутин. Все взгляды приковались к чудо-фонарю, разбрасывающему свои блики по стенам, столу, танцующим парочкам. В дверях стояли родители и умильно созерцали нас. Я тоже уставился на плод своих трудов, но краем глаза видел, что Зина, не отрываясь, смотрит на меня, наверное, полагая, что я этого не замечаю. Я давно обратил внимание на эту Зинину особенность – не отрываясь, рассматривать кого-либо, что-либо, заинтересовавшее её. Абсолютно открытый и бесхитростный человек. Я почему-то избегал встретиться с ней взглядом и упорно разглядывал подмигивающий ящик.

Перед следующим танцем я подсуетился и увёл у Воробья Надежду. Она благосклонно отнеслась к такой рокировке, не расстроившись, что Женька тут же завладел именинницей. Надя так же, как и Зина, рассматривала меня, но исподтишка. Только теперь я нарочно старался перехватить её

взгляд, тогда она смущалась и отводила глаза.

Я ещё выпил вина и осмелел вконец.

– Мадам, – обращаюсь к Наде. – Я готов сопроводить вас до самого дома. Как вам моё предложение?

– Да я тут рядом живу, через дом, – разулыбалась та.

«Какая прелесть, – подумал я. – Далеко не переться», – но вслух сказал:

– С вами хоть на Луну! А уж через дом – и вовсе пустяки.

Главное, я опередил Женька, и Надя с этим согласилась. Не знаю, что для меня важнее: благосклонность девушки или обскакать Воробья? Реализован – значит, востребован. Наверное, я пробовал когти.

Оказавшись в Надином подъезде, предусмотрительно интересуюсь:

– И на каком этаже мы живём?

– На пятом, – отвечает она и, стараясь не казаться навязчивой, добавляет: – Дальше не провожай, я сама.

Но я ослушался.

Последний этаж, подъезд без лифта. Высоковато, конечно. Но так даже лучше. Надо найти укромное местечко. Я молча беру Надю за руку, веду по ступенькам вверх. Моя собственная рука с этого момента начинает работать независимо от головы, переплетая и сжимая наши пальцы. Девушка опустила голову и в миг покраснела, но всё-таки позволила ласкать свои пальцы, ладошку. Мы поднимаемся на четвёртый этаж и – удача! Потухшая лампочка. Темнота – друг

молодёжи. На лестничной площадке между этажами я оста-
навливаюсь.

– У тебя предки строгие? – спрашиваю.

– Вообще-то... да, – кивает Надя.

– Тогда прощаемся здесь, – говорю я этак жёстко и чмо-
каю Надю в щёку. Она ойкает и прикрывает щёку рукой, буд-
то я укусил её. Не сдаюсь и чмокаю в другую. – Это для сим-
метрии, – поясняю и прижимаюсь к Надежде. Вопреки мо-
им опасениям, она не противится, и я, не дожидаясь, когда
припёртая к стене дама передумает, позволяю себе большее:
мои страстные губы впиваются в безвольные уста, а трепе-
щущая рука расстёгивает пуговицы её пальто и хватает во-
жделенную грудь.

Она отталкивает меня неожиданно резко и решительно.
Пожалуй, тут я переборщил. Откуда мне знать, с кем из них
что можно и чего нельзя! Но я не сдаюсь. Вскользь бросаю
«извини!» и неуклюже, насколько позволяет наша зимняя
одежда, вновь прижимаю Надю к себе, присасываясь к её
безучастным губам. Вскоре такая пассивность моей пассивности
начинает нервировать, и я шепчу:

– Поцелуй меня... Ну? – и пытаюсь просунуть свои губы
в её рот. Наконец мне удаётся это сделать, но рот остаётся
неподвижным. – Ну?.. – почти требую раздражённо, опять
проникая в её рот, который вдруг на секунду оживает и лепечет:

– Я не умею.

– Ты ещё ни с кем не целовалась? – я почти искренне изумляюсь.

– Нет... – она мотает головой и отводит взгляд.

Я понимающе киваю и, уже в большей степени изображая страсть, чем испытывая её, опять впиваюсь в безответные губы. Сейчас, казалось бы, в самый раз включить мацо или искущённого учителя, но вместо этого моя чувственность угасает с каждой секундой, поскольку я не ощущаю себя ни жаждущим взаимности возлюбленным, ни тем более – опытным учителем.

– Боюсь твоих строгих родителей, – говорю я как можно мягче. – Выглянут сейчас, а тут я, соблазнитель. – И с трудом оттянув рукав толстой куртки, смотрю на часы. – Ой-ой-ой! – сокрушаюсь, – времени-то сколько! А мне ещё реферат дописывать. Жаль, но надо идти. После сессии увидимся?

На прощание целую Надю в обе щеки, чмокаю в губы, поправляю её белую вязаную шапочку, жду, когда она поднимется на пятый этаж и, помахав «пока», исчезает.

По дороге домой размышляю: наверное, я ещё неопытный, неуверенный в себе кент, если меня не вдохновляют нецелованные девушки. Ведь находит же в них что-то Женька Воробьёв. Зачем я увёл у него эту подругу? Знаю теперь наверняка, что не встречу с ней. А Надя останется с надеждой. Однако не всё так плохо: я успешно самоутвердился, стал опытнее и избежал случайной связи. «Стакан наполовину полон!»

Итак, последним в первом семестре экзаменом по матанализу закрыл сессию с очередным «отлично», в соответствии с тактическими и стратегическими задачами – вперёд, к аспирантуре! Я чётко понимаю, зачем сюда пришёл и чего хочу.

Каникулы! Грандиозных планов – никаких. Общества девчонок не ищю. Осознаю, что вроде бы, не бабник, а вот Светку Ковалёву часто вспоминаю. Может, приедет на каникулы? Расстались мы с ней на не очень-то дружественной волне. Она укатила в Москву через пару дней после нашей размолвки. Перед отъездом позвонила, бодреньким, но извиняющимся тоном пожелала всех благ. Между тем, из Москвы до сих пор ни одного «ау!» Ну и я навязываться не стал, во многом благодаря делам текущим, захлестнувшим с головой. Сейчас, свободного и беззаботного, меня какая-то неведомая сила потащила назад. Я не удержался и набрал номер домашнего телефона Ковалёвых. Трубку взяла мама Светланы.

– Здравствуйте, Елена Владимировна, – как можно вежливее говорю. – Вас беспокоит Герман. Фомин.

– Ох, Герочка! – восклицает она. – Рада тебя слышать. Я бы и не узнала тебя по голосу. Вроде, взрослее стал, солиднее.

Ободрённый таким началом я осмелел:

– Вот и я полгода Светлану не видел – не слышал. Боюсь, и её трудно узнать. Как она поживает?

– Мы с папой частенько навещаем её. Всё хорошо. Скоро каникулы. Приедет!

Мама Светы – терапевт. Станным образом, она и разговаривает, будто лечит. На редкость доброжелательный, мягкий человек. Дочь её всё-таки уродилась в отца и статью, и обличем, и всем прочим, за что я влюбился в неё так пылко и безответно. Сейчас, плюнув на все свои обиды, первым стучу в её двери. Наконец-то у меня есть московский номер телефона – его дала Елена Владимировна вместе с предупреждением о высоконравственных устоях и твёрдости характера хозяйки этого телефона Ольги Николаевны, одинокой тётушки Светкиного папы.

Я тут же, не долго думая, дрожащей рукой набираю её номер.

– Слушаю вас, – голос из трубки звучит ровно и бесстрастно.

– Здравствуйте, – говорю мягким, почти извиняющимся тоном. – А могу ли я услышать Светлану?

– Во-первых, вы не представились. Врываетесь в чужой дом, не назвав себя. Это некорректно. – Слово «некорректно» она произносит особенно жёстко, с чётко обозначенным звуком «Э».

– Извините. – Теперь мне остаётся только на самом де-

ле выразить сожаление, соглашаясь с замечанием по сути, но не по форме. Называю своё имя, фамилию, кто я, откуда.

В ответ суровый голос выдаёт новый залп поучений:

– Звонить молодой девушке в столь позднее время – значит, компрометировать её. Вы так не считаете... Герман?

– Я не считаю восемь тридцать вечера поздним временем, – говорю, максимально сдерживая себя, чтобы не взорваться. В ответ слышу тираду с зарядом вежливого оскорбления:

– Это говорит об уровне вашей воспитанности, молодой человек!

– Рад, что он не соответствует вашему, – отвечаю с издёвкой и чувствую, что меня уже понесло. Если бы оскорблённая бабка не бросила трубку, я наверняка сказал бы ей, что она тупая зануда. Таким образом, я лишился Светкиного телефона, и в доме злобной старухи я теперь *persona non grata*.

Зато уже на следующий день своим звонком осчастливила Светлана!

– Гэ Фэ, ты не обижайся на бабу Олю, – уговаривает Светка меня. – Она вообще-то нормальная старушка, но со своими принципами и старомодным воспитанием. Она очень одинокая.

– Потому и одинокая, что принципы дурацкие. Кому она нужна с ними!

– Гера, не говори так. У неё был муж, но вскоре после свадьбы началась война, и он погиб. Баба Оля очень любила

его, до сих пор хранит верность.

– Ёлки-палки! – я аж присвистнул. – Может у неё тогда и того, крыша поехала?

– Ничего у неё не поехало. – В Светкином голосе послышалась обида, но она продолжала защищать бабу. – Бабуля ушла в партию, как в монастырь: всю жизнь в системе КПСС проработала. Только до войны в школе математику преподавала.

– Теперь понятно, откуда у неё этот учительский зуд... – ворчу я, уже готовый сдаться.

– Да у неё всего-то три требования ко мне: не знакомиться со случайными встречными, тем более на улице, не давать малознакомым парням номер телефона и приходить домой не позже девяти вечера (без особых причин).

– И ты всё это терпишь? – возмущаюсь я.

– А что здесь такого? – удивляется Светка. – У моей мамы похожие требования, ну может, помягче.

– Короче, за твою нравственность я могу быть спокоен. Да, Света?

– Ты? – Светка засмеялась. – Конечно! Я даже в кино иногда приглашаю бабу Олю, и она, возвращаясь из кинотеатра, говорит мне: «Спасибо за доставленное удовольствие». Ну, вот такая она, в сущности, очень добрая, заботливая. Мы хорошо ладим.

– Я рад. Но в дом ваш больше не ездец, – шучу я.

– Да, пожалуй, – соглашается Светлана. – Я сама скоро

домой приеду. Вот только...

– Когда? – вопрос выскакивает у меня сам по себе, прерывая Светку на полуслове.

– Послезавтра последний экзамен и – каникулы. Правда, немного задержусь, у меня билет в Большой театр, на Васильева и Максимову.

– На балет, значит? – уточняю с видом знатока. В своё время Светка же и просветила меня в этой области. – И с кем идёшь? С Ольгой Николаевной? – подтруниваю.

Светлана опять смеётся.

– Нет. С девочкой.

В наш диалог вмешивается голос оператора:

– Время истекло. Разговор окончен.

– Пока, пока! – успевает сказать Светка.

Я в приступе эйфории спешу позволить себе вольность, которая возможна только по телефону:

– Люблю, целую! – кричу.

– Э-э-э!.. – осаживает меня Светка, и связь обрывается.

Понятно, что Светлана звонила из телеграфа. При доброй бабушке она, небось, по струнке ходит. Радуюсь без памяти – скоро увижу её. Надо подстричься, новые ботинки купить и набраться терпения, потому что когда чего-то ждёшь, время тянется очень медленно.

Чаще, чем хотелось бы, вспоминаю Ольгу Николаевну. И не потому, что поссорился с ней, не успев познакомиться. Зацепила меня история её любви. Как можно хранить вер-

ность тому, кого нет? Это такое безумие или высшая степень любви? Или первое равно второму: икс равен игреку. А в сумме? Верность! Такой каламбурчик... Я вот тоже Светку люблю, точняк. Но позволяю себе интрижки, и совесть не грызёт. Даже нашёл на свою головку вшивую секс-бомбу, лишившую меня девственной чистоты. А результат? Грязь в душе и на теле. Выводы напрашиваются сами, и сделаю я их, кажется, гораздо позже. Да и любовь моя к Светке неразделённая, а значит, обязательств никаких не требует. Впрочем, и Ольга Николаевна осталась свободной от оков верности. Интересно, она красивой была в молодости? Да ведь я, кажется, хочу познакомиться с этой железобетонной старушкой! Наверняка теперь не стал бы разговаривать с ней в таком тоне, как вчера. Позвонить и извиниться? Нет, это уж чересчур. Хотя и целесообразно: открыть доступ в дом, например.

На следующий день я всё-таки набрался храбрости и позвонил, вовсе не надеясь, что к телефону подойдёт Светлана, хотя такой поворот оказался бы невероятным везением. Но чудеса не произошло.

– Слушаю вас, – донеслось из трубки ровно и бесстрастно.

– Здравствуйте, уважаемая Ольга Николаевна, – говорю как можно мягче, вежливее. – Вас беспокоит Герман Фомин.

И тут же – короткие гудки в ответ.

Если бы я сказал ей, что она старая дура, на душе стало бы легче.

Валерка Зак позвал на турбазу, на лыжах покататься. Он завёл себе подругу, третьекурсницу. Она, как и Валерка, учится в строительном институте, только он на ПГСсе, а она на архитектурном. Я ему говорю как-то:

– Зак, когда подрастёшь – женись на ней. Она будет рисовать здания, а ты их строить.

Неспроста говорю это, а потому что Зак влюбился. Вроде, такой всегда непробиваемый, а тут – на втором же свидании невинности лишился. Он боготворит свою зазнобу по имени Ника, самозабвенно предан ей и послушен. У неё ярко-белые стриженные волосы, вздыбленные на макушке, как стог сена. Глаза, обведённые чёрной краской вокруг, в кустистых чёрных ресницах до бровей, и ещё у неё губы такие широкие, ярко накрашенные. Сразу видно, что она художница, рисовать любит. Такие девчонки не в моём вкусе. Мой эталон – Светланка Ковалёва, на вид строгая, а на самом деле весёлая и смешливая. Но чуть не влюбился в Раю! Странно.

Зак говорит:

– У Нички есть подружка, бесхозная. Возьмём и её на турбазу. Может, понравится тебе. Как ты на это смотришь?

– Никак, – равнодушно ворчу. – Что-то устал я как-то... Когда едете? – Делаю вид, что размышляю, хотя, для себя уже всё решил.

– Через три дня, – отвечает он. – Успеешь отдохнуть от своих «пятёрок». Небось, в отличниках ходишь?

– А то как же! – соглашаюсь я и говорю: – Но дело не в них.

Я вагоны разгружал, Валера, и ещё буду.

– Ты? Смешно! Так поедешь или нет?

– Нет, Валера. Устал.

– Темнишь, профессор. Ну, как хочешь!

Конечно, можно было бы на день-два съездить, на лыжах покататься. Но там же ещё подруга, с которой у меня нет никакого желания знакомиться и хотя бы из приличия проявлять знаки внимания. Я жду Светку! Все мои мысли о встрече. Осталось несколько дней. Я постригся, приобрёл новые ботинки, даже шапку модную купил. Чтобы скоротать время, играю в волейбол, хожу в шахматный клуб. Один мой институтский кореш, Иван Шепелев, уехал домой, в деревню. Другой – Воробей, упорхал в Вишнёвку к его незабвенной кустодиевской Любани. Не знаю, сразил ли он этим её, но меня – наповал!

Вчера впервые в жизни я водил в кино, на детский сеанс, десятилетнюю Танюшку, чем сам себя удивил. Это что – братские чувства или рано пробудившийся родительский инстинкт? Вся семья, включая Танюшку, в полном восторге. Я, как оказалось, тоже: детские фильмы ещё смотрю с интересом. Когда выходили из кинотеатра, я вспомнил достопо-чтенную Ольгу Николаевну и прикололся:

– Танюша, спасибо за доставленное удовольствие!

– Чего-чего? – не поняла она.

– Спасибо за компанию, говорю, – менее учтиво пояс-

нил я.

Она искоса посмотрела на меня и сказала:

– Пожалуйста...

Прошла неделя, проскочили десять дней, мои каникулы близятся к концу, а от Светки никаких вестей. Вторые подряд зимние каникулы (включая и школьные) я провожу в ожидании Ковалёвой. Бабе Оле позвонить не могу, родителям – неудобно надоедать. И всё-таки набираю номер Ковалёвых.

Отвечает глава семейства:

– Привет, Герман.

– Владимир Андреевич, Света случайно не приехала? – спрашиваю осторожно.

– Гера, она в Елабуге.

– А где это?

– Под Казанью.

– Как она там оказалась? – недоумеваю.

– Что-то у неё там вроде экскурсии. Сегодня выезжает домой.

– Владимир Андреевич, я встречу её!

– Приедет она завтра ночью. Я сам привезу её на машине.

Навязываться в компаньоны я не стал, но сердце радостно запрыгало: послезавтра увижу Светку! Светка, Светик, Свет Очей моих!

...Встретила меня она в постели, с компрессом на горле, с красным распухшим носом.

– Привет, – прохрипела она.

Я положил на стол коробку конфет, которую принёс, подвинул стул к её кровати, сел на него.

– Привет, – говорю. – И как же это тебя так угораздило?

– В Елабугу ездила, – отвечает, – на могилу Цветаевой.

Я удивлённо посмотрел на неё и снял очки (что обычно выказывает моё чрезвычайное волнение).

– Там простыла?

– Угу, – кивнула она. – На кладбище сугробы выше колен.

Мы не ожидали, что «народную тропу» к Цветаевой так засыплет снегом. Но не зря же мы ехали. Розы ей положили. – Света раскашлялась, и тут же появилась её мама с микстурой, которую налила в столовую ложку и дала проглотить застонавшей больной.

В таких ситуациях я чувствую себя абсолютно беспомощным: вроде бы и посочувствовать надо, и ободрить, а я верчу в руках очки и не знаю, что сказать. Елена Владимировна поставила Светлане градусник, обратилась ко мне:

– Гера, давай я тебя чаем напою, с пирожками.

– Нет-нет, спасибо. Я позавтракал. – Мне трудно отделаться от ощущения, что я здесь некстати, но и уйти так, сразу, неудобно.

– Свет, ты с кем ездила? – спрашиваю, когда Елена Владимировна вышла из комнаты.

– С Сашей, – прохрипела она в ответ.

Я надел очки и вполне серьёзно спросил:

– С каким?

– С подружкой.

– Вроде меня?

Светка слабо улыбнулась.

– Нет, она девочка.

– Хорошо, что хоть меня девочкой не считаешь.

– Не смейся. Когда я смеюсь, я кашляю.

– Извини, я не нарочно. Вот сейчас узнаю, какая у тебя температура и уйду.

– Да я не к тому. Сиди. – Светка не говорит, толкает слова.

Видно, что общение даётся с трудом.

Наконец она вынимает градусник и сообщает:

– Тридцать восемь и две.

– Бедняжка... – я не нахожу ничего лучшего сказать в ответ. Светка шмыгает носом, готовая заплакать. – Хочешь, я тебе песню спою, колыбельную? – пытаюсь из всех сил пошутить.

– Спой, – соглашается она.

И я пою своим никудышним голосом при абсолютном отсутствии музыкального слуха:

– Спят усталые игрушки, книжки спят...

Светка поморщилась и попросила:

– Не пой, пожалуйста. Без обид, ладно?

– Я знаю, – говорю. – Тогда спи без песен. Я пошёл, да?

– Угу...

Через несколько дней у меня закончились каникулы, а Светлана всё ещё болела. Я заходил к ней не часто и не надолго. Неудобно как-то даму в будуаре посещать, к тому же в не лучшей её форме. Да и отделились мы несколько, не получается общаться так запросто, как раньше. Как будто при-нравливаемся друг к другу. Может быть, это из-за её болезни, а может, мы сами изменились. Едва у Светланы стабилизировалась температура, она улетела в Москву в сопровождении мамы, взявшей короткий отпуск, чтобы проконтролировать здоровье дочери. Я её не провожал, сидел на занятиях. Словом, не успели мы укрепить наши отношения, а мне не удалось покорить Ковалёву новыми ботинками и шапкой.

4

Потекли обычные студенческие дни, ставшие привычными. Весной во мне проснулся закономерный человеческий инстинкт, который прежде особенно не докучал, а тут заявил о себе мощно и нагло.

Говорю Заку:

– Так что там за подруга у Ники твоей была?

– Да, есть, – отвечает, – родственница какая-то, дальняя.

– Знакомь!

Собрались у Валерки, в субботу, когда его родители уехали на дачные весенне-огородные работы. Подружка – аналог Ники! Даже губы такие же широкие, ярко накрашенные.

– Рисовать любишь, да? – спрашиваю.

– Нет, не люблю, – она непонимающе уставилась на меня. – А чё?..

– Так, просто, ничего. Думал, учишься с Никой.

– Нет, я медик.

– Учишься в мединституте?

– Нет, заканчиваю медучилище. А потом поступлю в медицинститут.

– Молодец, врачом будешь, – я многозначительно закивал и без всякого перехода спросил: – А почему ты – Алёна? Мне кажется, что Елена – поэтичнее. Например, Елена Прекрасная!

– Нет, мне больше нравится Алёна, хотя по паспорту я – Елена.

Я подумал, что как не назови, мне она сама не очень-то нравится. И эта её своеобразная манера каждую свою тираду начинать со слова «нет»! Сейчас, с учётом моих намерений, я хотел бы слышать преимущественно «да».

Спрашиваю:

– Ты девочка по имени Нет?

– Нет...

– Тогда скажи «да».

– Да.

Углубляться в смысл моих умозаключений она не стала: то ли постеснялась, то ли не догадалась. По-моему, второе. Признаться, я рад, что не задаёт лишних вопросов. Меня не интересуют её мозги, пусть она будет глупенькая, лишь бы не «ужас, какая дура».

Пока мы знакомимся с неотразимой Алёной, Валера с Никой снуют из кухни в комнату, выставляя всё, приготовленное Валерке родителями на два дня, плюс то, что мы сами прикупили по пути к Закам. На столе оказались котлеты, рис, консервы, розовые круги нарезанной колбасы и венец меню – огняк фруктяка, яблочного вина, самого популярного спиртного напитка советского студенчества (в силу дешевизны, конечно). От Валеркиного супа все отказались.

Едва усевшись за стол и глянув на свою тарелку, Алёна заметила:

– А где ножи?

– Зачем? – удивилась Ника. – Тут резать нечего.

– Всё равно ножи надо подавать. Вот когда я была в Европе... – И она стала учить нас политесу.

Она действительно ездила с народным хором в какую-то восточно-европейскую братскую страну соцлагеря и насмотрелась там кое-чего. Я за границей не был, но мои родители говорили, что там даже отварной картофель в гарнире режут. Алёна решила покорить всех своей культурностью.

– Так чего тебе надо? Нож? – спросил Зак.

– Да, – сказала она.

– О! Наконец-то я услышал «да!» – негромко, но многозначительно сказал я, наклонившись к Алёне.

Зак принёс большой кухонный тесак и положил рядом с её тарелкой. Понятно, что приколосся, но её это не смутило. Она взяла нож и порезала сразу весь кусок колбасы в своей тарелке. В Европе она, видимо, не заметила, что отрезают по одному кусочку и сразу кладут его в рот. Да и вряд ли воспитанный человек потребовал бы нож, если хозяева не предусмотрели этот прибор. Вообще-то самый простой способ узнать получше человека – это отобедать или поужинать с ним. То, о чём он говорит в этой ситуации и как он ест расскажет о нём больше, чем кто-либо или он сам о себе. Я, конечно, не такой уж дока и денди, но элементарным правилам меня родители научили. Например, обнаружить свою невоспитанность можно, если облизать паль-

цы или положить хлеб на скатерть. Вот, пожалуйста: Алёна засунула палец в рот, положила возле тарелки надкусанный в нескольких местах кусок хлеба и поставила локти на стол. Букет! Компания у нас, конечно, простецкая, и всё же тот, кто не позволяет этого никогда, не сделает нигде, автоматически. Не займись подруга наша поучениями, я возможно, и не заострил бы внимание на её манерах, а то ведь выставляет себя леди, а сама – заурядная снобиха, что, кстати, освобождает и меня от необходимости изображать джентльмена.

Каждый раз, когда наполняли хрустальные фужеры фруктяком, Алёна горячо протестовала, будто ей льют за шиворот:

– Хватит, хватит! Ох, куда столько! – И неизменно выпивала до дна.

Наконец я не выдержал и сказал ей:

– Пусть льёт, сколько хочет, а ты пей, сколько можешь. Ферштейн?

После моего замечания она протестовать больше не стала, но и меньше пить не изволила. Подогретая вином Алёна перешла к следующей части своей программы – обольщению. Она обняла меня за одно плечо, потёрлась о него головой и сказала:

– Мне говорили, что я похожа на Саске.

– Как две капли воды! – восхищённо согласился я и обнял её за талию.

– Когда тебе это сказали, ты была хотя бы брюнеткой, –

ехидно заметила Ника.

– Это не важно! – скороговоркой парировал я и погладил подругу по спине. По правде сказать, я и не знал, кто это такая Саске, но сделал умный вид.

Моя новая знакомая почувствовала поддержку и прониклась трогательным доверием. Она положила руку на мою коленку и стала поглаживать её под столом, чем вызвала у меня чрезвычайное возбуждение.

– Я ошибался. Ведь ты не девочка по имени Нет... Да? Да? – прошептал ей на ухо.

– Да, – чуть слышно сказала она.

И тогда мои страстные губы... И так далее по той же схеме. Я услышал, будто в розовом облаке, слова, прозвучавшие сверху:

– Можете закрыть дверь изнутри. Мы пошли! – Этот голос принадлежал Заку.

Они удалились, а я, не отрывая вожделенных губ, потащил трепещущую Алёну на диван у противоположной стены.

Впервые я возвращался домой утром. Свою милодору я провожал до троллейбуса. В ожидании нужного маршрута она обняла меня и, дотянувшись на цыпочках, целовала подбородок, щёки. Я с опаской поглядывал по сторонам: остановка находится рядом с моим домом, поскольку Зак живёт по соседству. Думаю, что прекращать отношения с моей «Саске» я не стану, но и углублять тоже. Выясняется, что

мне действительно нравятся девчонки без комплексов и без заморочек. Я даже склонен теперь понять Валерку с его любовью к Нике – тоже отвязной, но не глупой. Эти подружки старше нас на два года и, наверное, уже замуж собираются. А нам ещё – гулять и гулять! Мне недавно исполнилось только восемнадцать, а у Зака днюха через месяц.

– Мы с тобой ещё увидимся? – в голосе Алёны почти просьба. Она преданно заглядывает мне в глаза.

– Конечно, – говорю я. – Скажи твой номер телефона.

– Ты забудешь.

– У меня память хорошая.

Она называет цифры, и я знаю, что запомню их, но во взгляде и упавшем голосе Алёны угадывается недоверие. Наверное, её бросали, и не один раз. Она трётся головой о мой подбородок – ласковая, наивная. Ей хочется любви. При этом она одинока, и я наверняка понимаю причину, но не мне же учить её, если она не умеет хотя бы набить цену себе. Говорят, нет такой женщины, которая никому не была бы нужна. Найдёт и Алёна мужа: в лучшем случае лопуха или, что вероятнее – какого-нибудь дурака, или старого бабника, прельщённого молодым телом. Глупенькая, нежная...

Мне вдруг стало пронзительно жалко эту незащищённую, послушно прильнувшую ко мне девчонку. Я прижал её к себе и поцеловал не возбуждающе и страстно, как ночью, а тепло и нежно.

В этот же день неожиданно для меня позвонила из Моск-

вы Светлана. После каникул я ничего о ней не слышал. А тут – ба, собственной персоной!

– Бабушка Оля уехала в Тулу, к подруге, – сообщила она радостно. – Целую неделю буду принадлежать себе! Купила талончик и могу звонить из дома кому хочу, сколько хочу и приходить домой, когда хочу, и делать, что хочу. Вот! Здорово?

– Свет, ты меня пугаешь. Что ты собралась делать? – осторожно спрашиваю.

Она на секунду задумывается:

– А и правда... Не знаю, – говорит.

– Хочешь, я к тебе в гости приеду?

– Ты что! – Её реакция – испуг. – Это уж слишком. Всё равно она узнает: тут кругом «глаза и уши» у неё.

– Как хочешь, – отвечаю разочарованно и тут же спрашиваю: – Ты любовь свою ещё не нашла?

– Да ну! Попадаются то дебилы, то хамы. Как говорит про себя моя подружка, «к чужим берегам всё корабли да баржи, а к моим – г... и щепки»! Вот и у меня примерно так же. А у тебя?

Я расхохотался.

– Классно сказано. Твоя подружка, наверное, оптимистка. У меня та же фигня. То есть, не в смысле оптимизма, а про дерьмо.

– Не будем унывать. Какие наши годы! Да? – успокаивает Светлана.

– Кстати, кто такая Саске? Знаешь? – спрашиваю, вспомнив новую пассию.

– Знаю. Жена и муза Рембрандта, – отвечает.

– А она красивая?

– Нет. Она гениальная.

– У тебя есть?

– Есть, в альбоме.

– Покажешь?

– Покажу.

Взбудораженный Светкой я больше не могу продолжить сон, о котором мечтал утром, после изнурительной ночи. Позвонила б она вчера, возможно, не случилось бы и моего «романтического» знакомства с новоявленной Саске, потому что даже сейчас мне совсем не хочется ни думать о своей новой связи, ни тем более анализировать её. Все мои мысли – только о Ковалёвой. Я буду ждать её всегда, даже отвергнутый, до тех пор, пока она не выйдет замуж и не расплодится. Подумал об этом и сам себе удивился: это что – приступ верности или ликование такое?

Всю неделю я от души названивал Светлане. Наконец она сказала:

– Гэ Фэ! Завтра приезжает баба Оля. Увидимся летом.

Вот и всё. До каникул аж три месяца.

Об Алёне я вспоминаю вскользь и, неохотно, да и то преимущественно в связи со своим самочувствием. Зарекался же: никаких скороспелых связей. Оказывается, следовать

этому табу не так-то просто. Приходится рисковать. Но прошло две недели – и, вроде бы, всё спокойно. Как-никак, Алёна медик. Надеюсь на её компетентность. Валерка сказал, что она без меня скучает, тоскует. Этого только не хватало! Меньше всего я хотел бы завладеть её сердцем и мыслями. Тут же всплыла душещипательная сцена на остановке – девушка с нежными объятиями и взглядом, в котором читается просьба: «Не бросай меня!» Но не могу же я быть в ответе за всех, кого нечаянно приручил.

Всё-таки отголосок вспыхнувшего тогда умиления напомнил и о моей мимолётной жалости, и об обещании позвонить.

Я набрал номер её домашнего телефона. Трубку подняла, судя по всему, мать.

– Леночка ещё не пришла, – говорит она. – Ей что-нибудь передать?

– Передайте, что звонил Герман. Пожалуйста, – отвечаю я и кладу трубку с чувством выполненного долга.

А через пару часов сама Алёна объявилась. Звонит:

– Гер, я уж и не надеялась услышать тебя. Мама сказала, что ты звонил, и я узнала твой номер через Нику у Валеры. Может, погуляем? Пойдём? – спрашивает она радостно.

Мне не хочется её расстраивать, поэтому не остаётся другого выхода, кроме, как сказать:

– Да, но... понимаешь ли, не сегодня. Времени нет. Я позвоню тебе. На днях. Ладно?

Обещания я всегда стараюсь выполнять. К тому же нужно организовать и продолжение этой прогулки. Разумеется, наедине. Как бы я ни любил Светку, всё-таки я не евнух.

Вот так продолжились наши встречи с Алёной. Виделись мы не часто. Однажды я пригласил её в кино, несколько раз ходили в кафе, но после – обязательно отправлялись куда-нибудь, где можно уединиться. В свои компании, в круг моего общения я Алёну не вводил, а она и не требовала, покорно приняв отведённое ей место в моей жизни. Иногда у меня возникал вопрос: а не сволочь ли я? И успокаивался тем, что по крайней мере она не обманывается, не строит иллюзий. У неё есть возможность выбирать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.